

И. МАТВЕЕВА

Алинка

Н. МАТВЕЕВА

Африка

•

Первая книга
СТИХОВ

И

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЦК ВЛКСМ

„Молодая гвардия“

1 9 6 1

НАШ ГЕРБ

Земной рабочий молот
Упал на лунный серп.
Какие силы могут
Разрушить этот герб?!

НОЧЬ НА 14 СЕНТЯБРЯ 1959 ГОДА

Луна за облаком.

Она не ждет визита.
Но серым пламенем изрытый небосвод
Сквозит гигантскими прожилками гранита,
Как будто стройка там беззвучная идет.
Куранты бьют...

Шипенье в промежутках,
Как бы кипит горящая смола...
Удар!

Минутка — легкая малютка —
Всю эру за собой поволокла.
Удар... Луна взята.

Еще со Спасской башни
Сползают отзвуки дрожащей пеленой...
Какая разница
между Луной вчерашней
И нынешней Луной!

ПАЛЬЦЫ

На барже было четверо —
 Простые паренки —
Четыре пальца честные
 Одной большой руки.
А воля — палец пятый.
И если пальцы сжать —
 Нетрудно вал девятый
За гриву удержать.

СТАТУЯ СВОБОДЫ

Здравствуй, статуя Свободы!

 Это я, свободный Джо.

Я тебя, мою свободу,

Знаю очень хорошо.

Я ничтожен, ты огромна,

Но в итоге мы друзья,

 Так как, будучи бездомным,

 Несвободным быть нельзя.

Много воздуха пустого

Я бесплатно получил,

В самом тесном смысле слова

 Я свободу изучил:

Ем свободу,

 Пью свободу,

Лишь свободой дышу

И свободу
В непогоду
Вместо джемпера ношу.

Где за тесные лачужки
 У жильцов трясут мошну —
Не плачу я ни полушки,
 Занимая всю страну.

Правда, здесь, в моей «квартире»,
Очень дует и течет,
Но и «щель»-то ведь не шире,
Чем обычный небосвод.

Да и что мне все невзгоды,
Что мне буря и метель,
Если статуя Свободы
Затыкает пальцем «щель»!

ГИМН ПЕРЦУ

Раскаленного перца стручок,
Щедрой почвы ликующий крик,
Ты, наверное, землю прожег,
Из которой чертенком возник.

Страны солнца, взлелеяв тебя,
Проперчились до самых границ,
Вроде пороха сыплют тебя
Там из перечниц-пороховниц.

Орден кухни,
Герб кладовых,
Блюда южного маленький флаг —
Ты на пóлках,
На пестрых столах,
В пыльных лавках —
Особенно в них:

Стоит глянуть под темный навес,
Где серьгою трясет продавец,

И, краснея, висят у дверей
Связки перца, как связки ключей
От запальчивых южных сердец...

Я хвалю тебя! Ты молодец!
Ты садишься на все корабли,
Ты по радужной карте земли
Расползаешься дымным пятном;
Ты проходишь, как радостный гном
По извилистым теплым путям,
Сдвинув на ухо свой колпачок.
И на север являешься к нам,
Раскаленного перца стручок.

И с тобою врывается юг
В наши ветры и наши дожди...
Просим!
Милости просим, мой друг,
В наши перчицы!
Входи!

Правда, мы порожденье зимы,
Но от острого — рта не кривим,
А при случае можем и мы
Всыпать перцу себе и другим.

Разве даром в полях января
Пахнет перцем российский мороз?!

Разве шутка российская зря
Пуше перца доводит до слез?!

...Славлю перец — в зерне и в пыльце.
Черный перец — в багряном борще
(Как бесенок в багряном плаще),
Красно-огненный — в красном словце.
Славлю перец во всем вообще.
Чтобы каждая ложка была,
Как проглоченная пчела.
...Нет! Ботаник не прав, говоря,
Будто перец на юге возрос.
Нет! Недаром в полях января
Пахнет перцем российский мороз.

СОЛДАТ

Я поле боя
 вижу после боя:
Оград колючих рваную строку,
Лицо земли, воронками рябое,
Кровавые проталины в снегу...

Но там, где русский тихо спал
 когда-то
Смертельным сном, живых лишая
 сна,
Я вижу труп немецкого солдата,
И с глаз моих спадает пелена.

Его лицо студеное не маска.
Наоборот — теперь оно ясней:
От выстрела с него слетела каска —
И маски все слетели вместе с ней.
Муштры слетела тяжкая безликость,
Навязанный под палкой ореол,
Искусственно возделанная дикость

И то, зачем в Россию он пришел.
Присяги страх и рокот барабанный —
Всё было заблуждением солдат...
Имела вес
 лишь тень мечты туманной:
Вернуться к Лотхен,
 в Нюрнберг,
 назад.

ПРИЗЫВ

Свободу Манолису Глезосу!
Откройте скорее тюрьму.
Свободу Манолису Глезосу,
Отдайте свободу ему!
Когда обдуваемый бедствием,
Измотанный гитлеров чуб
Упал между солнцем
и Грецией —
Смутился Манолис?

Ничуть!
Алло, Демосфены столетия,
Ораторы мира всего:
Он отнял у вас красноречие,
Хотя не сказал ничего,
А взял да и сбросил
с Акрополя
Без дрожи сомненья
в руках
Обмотку, которую прокляла
Планета на всех языках...

И где трепохвостила свастика,
Он выставил вымпел другой,
При виде которого схватится
Гречанка за сердце рукой.
Тот милый, что издали грезился
Повстанцам в огне и в дыму...
Свободу Манолису Глезосу!
Свободу!
Свободу ему!

СОРОКАЛЕТИЕ

Советской власти нынче сорок лет.
Малютка — срок, но великанша — дата.
Давно ли правил царь?

И да и нет.

Не так давно.

А кажется — когда-то...

За этот срок зажить успели раны
И сорок раз травую поросли
Могилы павших.

С грустью ветераны

По седине руками провели.
И снится им, все снится им «Аврора».
Какой бы срок с тех пор ни миновал,
Когда, как солнце, всплывшее из моря,
Лучами спиц блеснул ее штурвал;
Когда по всей, по всей щеке планеты
Пошел румянец, русский «маков цвет»,
Объяв на карте всю шестую света
Гораздо раньше, чем за сорок лет.

Течет Нева.

Открытый всей России
Музей «Авроры», вечный и живой,
Где никогда не лечь музейной пыли
Над вечно свежей пылью водяной.
Не за стеклом и не на плюше нежном —
Спит на волнах могучий экспонат.
На якорях, в дожде и вихре снежном
Совсем такой, как сорок лет назад.
И шаток зал.

И постамент уклончив.
Однако здесь начало всех побед.
Единым залпом цепь веков закончив,
Здесь начинались эти сорок лет...
...Но целых сорок или только сорок —
Как мерить?
Не на звездных ли весах?
...Чу! Шорох. Дуновенья метеоров,
Пыль космоса горит на волосах.
За головы хватаются поэты,
В глазах рябит, на языках рябит:
Глаза вселенной — звезды и планеты, —
Горя восторгом, лезут из орбит.
От самовара с кислую полудой
И сразу — к сотворению планет!
Готовит в путь вселенского Колумба
Страна, которой только сорок лет...
...Целинник на оттаявшем Алтае

Ворочает застывшие пласты,
Как дома, перед лампою, мечтая,
У книги перевертывал листы.
Веселые смеются китобои,
В тени кита кружком остановясь.
По клавишам под тонкою рукою
Шопеновский накрапывает вальс.
Грозят обвалом гроздья винограда...
Чего ж еще для радости, поэт,
Когда б не лезло все, чего не надо,
На ту же статью, на те же сорок лет?
...Вот он идет...

Зачем так сильно скисло
Под крышкой шляпы это существо?
В его глазах, пожалуй, меньше смысла,
Чем в пестрых «глазках» галстука его.
Мир созидал, а он поставил точку.
Итог веков — его кривой зевок,
Его нутро ушло на оболочку;
Он золотом оправил свой плевок.
Что холит он?

На что наводит глянец?
На что костюм изысканный надет?
Он в двадцать лет

Духовный оборванец
В моей стране, которой сорок лет!
...Не говорите, морщась: «Пережитки!

СУМЕРКИ БОГОВ

Может, зодчий и сердце-то вывихнул,
Эти камни подняв к облакам,
Целой жизнью он, может быть,
выдохнул

Этот молча ликующий храм.
Пламенеют колонны молочные.
По ступеням спускается свет...
Но опасны восторги заочные:
Строил богу, а бога-то нет.
Ночь минула. Увидели филины
То, что филинам видеть нельзя.
Бьет петух посвежевшими крыльями.
Человек протирает глаза.
И решает разделаться с верою,
Чтобы крепче поверить в себя.
И зовет небеса атмосферою,
На молекулы бога дробя.
Меркнет медь пьедесталов зализанных.
Двери — настезь.

Порыв молодой

Перед тусклыми рожами идолов
Тушит свечи одну за другой.

И, лампы гася негасимые,
Дребезжит образами святых.

Образины невообразимые!

Как поверить, что верили в них?!

Не дымят фимиамом треножники,
Пляшет пепел вокруг алтаря...

Значит, зря вдохновлялись художники,

Возводя эти храмы? Не зря!

Боги падают, как перезрелые,

Осужденные солнцем плоды.

Но бессмертны большие и смелые

Человеческие труды.

АЛОЭ

Вопили джунгли, пели не смолкая,

Звонили в колокольчики лиан,

Вниз головой дразнили попугаи

Вниз головой висевших обезьян.

Крутились хороводы испарений.

Текла змея, древесный хлюпал сок,

И полыхал, цветов душистый гений,

Алоэ там — чудовищный цветок.

Шла девушка: лианы отклоняла,

Мерцали белым черные глаза.

Заметила алоэ, обломала.

Лишь фейерверком брызнула роса.

Кольцом в носу задумчиво кивая,

Сиреневый растягивая рот

И лепестки гиганта обрывая,

Гадала вслух: «придет» иль «не придет»,

«Не любит», «любит»...

О! стерпи такое

Другой цветок — большого горя нет.

Любой цветок, но только не алоэ:

Оно цветет

Однажды в сотню лет.

* * *

Гордой крышею в парке осеннем
Сочинителя высится дом.
Там порхает его вдохновенье
Вместе с мертвым осенним листом.
Там чужие вымыслы мелет
Он вдали от себя самого...

Лист опавший летать не умеет,
Если ветер не носит его.

МЕРА ЗА МЕРУ

(Из прошлого Чукотки)

Идет пурга слепыми облаками
 В безлюдные и людные места...
Заносит снег лукавые капканы;
 Рука ловца ласкает мех песка.
С улыбкою ловец переливает
Царька зверьков с ладони на ладонь,
С него снежинки бережно сдувает,
 Как будто дует в бархатный огонь.
Но берегись, ловец, поймавший зверя,
 И на тебя расставлены силки:
Сейчас капканы и факторий двери
 Захлопываются вперегонки.
Торгуют очукоченные денди
 В седой избе у крепкого стола.
Сквозь рев пурги чудовишные деньги
 Звонят им в уши, как колокола.
Торгуют денди,
 Взвешивают,
 Курят,

Из поднятых глядят воротников...

Табачный дым

Большой звериной шкурой
Ползет по шкуркам дымчатых
зверьков.

Дверь настежь —

И, в мехах до подбородка,
Вошел бесшумный северный герой.
Охотник, воплощенная Чукотка,
Повитая легендой и пургой.
Его добыча искрится роскошно,
Как бы в налете дымного стекла,
Но из-под меха смотрит он тревожно,
Испуганно,

Как белка из дупла.

Пред ним купец.

О! Тонкий иностранец!

Еще не глядя, видит он уже.

В зубах сигара,

Словно чей-то палец,

Откушенный в последнем грабеже.

Но вот глаза

С прицелом револьвера

В глаза пришельца глянули в упор:

«Купи ружье. Но чур — за меру мера.

Дороже денег честный уговор».

История выводит без помарки,

Как торговали «честные» купцы:

Во всю длину ружья
Известной марки
Ложатся в ряд чукотские песцы.
Когда зверьков лощеная полоска
Длину ружья отмерила длиной,
Сказал торговец
Весело и жестко:
«Песцы мои, зато винчестер — твой.
Такой винчестер — штука недурная.
Танцуй, бездельник! — дешево достал.
И сколько ж настреляет он стреляя,
Коль не стреляя столько настрелял!»
И шкуродер подмигивает шкуркам,
Что на полу положены рядком.
И потчует охотника окурком
И крестит (по-английски)
дураком.
Американцам приглянулась шутка:
«Ты, Джонни, снайпер —
бьешь наверняка».
И ржание — апофеоз рассудка! —
Поколебало балки потолка.
Охотник-чукча топчется на месте:
Его смутил американский смех.
И смотрит он с тревогой
на винчестер
И с робким сожалением — на мех.
А янки спохватился

И сердито
Кивнул на дверь надменной
головой:
«Валяй, валяй! Фактория закрыта.
Песцы мои, зато винчестер — твой».
Ушел, но оглянулся напряженно
Охотник на торговца из дверей,
И был тот взор под мехом
капюшона
Оленьего копыта тяжелей.
Но что тот взор обратному Колумбу!
Он думает: «Добыча неплоха!»—
И пальцами выстукивает румбу,
Разглядывая влажные меха.
И в ритме румбы,
Только что ограбя,
Рука с кольцом
от Мери дорогой
Похожа на танцующего краба,
На краба с окольцованной ногой.

КАМЧАТСКИЙ ВИД

Охотское море волною гремит,
Бросками проносятся чайки.
Вулкан-великан в отдаленье дымит,
Хвалу воскуряя Камчатке.
Бренча, откатилась от крупных
камней
Пятнистая галька пугливо:
Во всю ширину развернулся над
ней
Оскаленный гребень прилива.
Сейчас за скалой закричит пароход,
Стремительный, с белой каймою.
И вздрогнет олень. И, жуя,
повернет
Крылатую голову к морю.

АРХИВАРИУС

Его стихия — старая бумага.
«За что страдает?
В чем он виноват?
И ведь какой безропотный,
бедняга!» —
Непосвященный скажет наугад.
А ты спроси, чего «бедняге» надо
И чем он только, «бедный», не богат!
Одна строка—и найден ключ от клада,
Строка другая — найден самый клад.
Сидит у лампы труженик архива.
Раскопок ждут бумажные пласты,
И вторят ветра зимнего порывы
Порывам вдохновенья и мечты.
Читает он с глубоким видом мага...
Мгновение — и старый документ,
Как заклинанье, выудит из мрака
Гиганта с волосами из комет.
Так кажется.

А разве вправду нет?

А разве не историк разрушает
Кашеевы пещеры, силы сна?
А разве не историк воскрешает
 Эпохи, государства, племена?
И день за днем стучит без передышки
В глухие и отзывчивые крышки
Полузабытых кладов и гробов...
(А иногда — в дубовые кубышки
На вздоре упирающихся лбов.)
Кто что терял? Отыщется в архивах.
Кто лгал завзято?

 Кто — не разобрал?
Архив на страже тихо вправит вывих,
Истории достойный костоправ.
В нутро породы, заспанной и мрачной,
Вонзает он исследования лом
И делает историю прозрачной,
Чтоб разглядеть грядущее в былом.

ДЫМ

Лесная глушь.

Мороз.

Как щетка, воздух груб.

Но нежен свет особой зимней негой.

Дома ушли в себя.

Лишь дым из красных труб

Свободно катится, пропитываясь небом.

Как память давних дней,

что много лет спала,

Он сам себя в тиши перебирает

И меркнет в сумерках...

И образы тепла

Рисует на небе...

И сам же их стирает...

Люблю вечерний дым в морозной тишине!

И так приятно почему-то

Взглянуть на этот дым,

Подумать об огне —

И... не пойти

на зов уюта.

СНЕЖИНКА

Окно обветшало́го дома
Светило в морозную мглу.

Дул ветер...

Ажурной манжеткою гнома
Снежинка припала к стеклу.
Припала — и сразу пропала:

Ее растопило стекло.
И только у смерти снежинка узнала,
Что в жизни бывает тепло.

ДЕРЕВЬЯ

Под непроглядно белым небом
 Я вижу белый зимний бор,
Где, облицованные снегом,
 Стоят деревья в позах гор.
Слепого снежного покрова
 Не прорывает их костяк,
Как будто снег для них основа,
 А ствол и ветви — просто так.

Как будто жизнь остановилась,
 Как будто, статуям под стать,
Им никогда не приходилось
 Ни шелестеть,
 Ни трепетать.

* * *

Паук на теплый ветер
Забросил невода
(Наверно не заметил,
Что ветер — не вода).
А листик, пролетая
И глядя, где бы сеть,
Как рыбка золотая,
Попался в эту сеть.

ДЕНЬ В КОНЦЕ АВГУСТА

Ягоды с листьев катятся,
Вертится ветер жаркий,
Пестрое пляшет платье
Там, на веревке, в парке.
Солнце огнем рассеянным
Плавит на тучах медь...
Скоро дожди осенние
Будут опять шуметь.
В это сейчас не верится,
Все до корней прогрето.
Свет по дорогам стелется,
Кажется вечным лето.
Если же листик свалится
С ветки вблизи меня,
Трудно о нем печалиться
В блеске такого дня.

СТАРЫЕ ЛИСТЬЯ

(Сонет)

Пока хороши и без листьев
Деревья за рябью ограды,
Пока у весны и без листьев
Довольно веселой прохлады.

Люблю прошлогодние листья.
Дрожащие их мириады.
И думаю: «Старые листья,
А солнцу как новые рады».

Приветствуя сбивчивый ветер,
Они кувыркаются в парках.
Они веселятся, как дети,
Хотя не получают подарков...

Мне нравится их бескорыстье.
...Люблю прошлогодние листья.

МУМИЯ

Не хвастай, мумия, что уцелела ты,
Что у бессмертия ты будто не в обиде
И не рассыпались во прах твои черты:
Ты тот же самый прах,
Но только в твердом виде.

Черты. А что очерчено? Скажи!
Зачем ты в наших днях?
 Послом какого дела?
Зачем лишь тело —
 След твоей души
В том мире,
Где душа должна быть следом тела?

Кого уже давно разгладила земля,
Того и в мертвых нет.
 Он связь порвал с могилой.
Живую, мумия, недолго ты была:
Зачем же мертвою так долго быть?!
 Помилуй!

СОНЕТЫ

I

Завидую далеким временам,
Когда сонет мешал болтать поэтам.
А почему бы, думаю, и нам
Язык не укорачивать сонетом?
Нужна узда горячим скакунам,
Обложка — книгам, рама — всем
портретам.
Плотина — разогнавшимся волнам,
Сонет — разговорившимся поэтам.
Сонет благожелательно жесток:
Он не допустит, чтобы лезли мысли
За край листа и бахромою висли,
Он говорит: «Вот финиш мысли. Стоп!»
И если он врасплох мою строку
обрубит —
Я не поэт. А он поэтов любит.

II

Не сам сонет состарился и умер,
А давняя сонетная пора.

Древесный сок извечно будет юным,
Хотя веков крепка на нем кора.
Застыла ода идолом чугунным.
Слегла элегия, чей плач как из ведра,
И только лишь сонет еще щекочет
струны,
Еще качается на кончике пера.
Он жил давно. Но это не причина
Вновь не ожить для новых, лучших тем:
Его конец не смерть.
Конец не есть кончина.
Смотря что кончено, кто кончил
и зачем.
О! Многое Шекспир вложил в уста
сонета,
Но ведь осталось же несказанное
где-то!

ГЛУБИНА

Заглянешь туда — и пронижет озноб,
Сейчас же упустишь мечту.
И только придумав морской телескоп,
 Увидишь морскую звезду.
Там слабые блески, глухие струи.
Там водорослей леса,
Там темные рыбки тарашат свои
 Оранжевые глаза.
И там же,
 Расплющены прессом воды,
 Рождаются рыбы без глаз...
Поэт, берегись! Не ослепни и ты,
 Чрезмерно в себя углубясь.

ЗВУК

Бренчит лесной источник
В душистом забытьи,
Покуда не источит
Все камешки свои.
Потупилась фиалка
У бархатных корней...
А мне совсем не жалко
Истертых в пыль камней.
И если бы от песни
Остался только звук —
Ну что ж! — на то и песня,
Чтобы звучать, мой друг.

Считал ли он то,
 сколько сам человечеству отдал?
Не столько ему подавали!
Король светотени —
Он все ж оставался голодным,
Когда королем его звали.
Когда же, отпетый отпетыми,
 низший из низших,
Упал он с последней ступени —
Его схоронили
 (с оглядкой)
 на кладбище нищих.
Его! — короля светотени!
...Пылится палитра...
Паук на рембрандтовой раме
 в кругу паутины распластан...
На кладбище нищих
 в старинном седом Амстердаме
Лежит император контрастов.
С порывами ветра
 проносится иней печально,
Туманятся кровли и шпили...
Бьет море в плотины...
 Не скоро откроется тайна,
 уснувшая в этой могиле!
Но скоро в потемки
 сквозь вычурный щит паутины
 весны дуновенье прорвется:

Какие для славы откроются миру картины
В лучах нидерландского солнца!

И юный художник,

взволнованный звонкой молвою,

И старый прославленный гений

на кладбище нищих

С поникшей придут головою

Почтить короля светотени.

А тень от него никогда не отступит.

Хоть часто

Он свет перемешивал с нею.

И мастер контраста — увы! —

не увидит контраста

Меж смертью и славой своею.

Всемирная слава

пылает на кладбище нищих:

Там тень, но и солнце не там ли?

Но тише!

Он спит.

И на ощупь художники ищут

Ключа от замкнувшейся тайны.

РУБЕНС

Гаснет солнце в таянье лиловом,
Словно аметистовый костер.

Дует ветер...

Кажется суровым
Древнего Антверпена собор.

Я вхожу.

Пустынный холод камня
Это, мне навстречу подоспев,
Каждый шаг мой,

Самое дыханье
Разглашает сводам нараспев.

А в стенах, пронзенные закатом,
С трепетными стрелками в стекле
Светятся надрезанным гранатом

Сводчатые окна в полумгле.
В этом свете Рубенса картины
И его гробница.

Где же он?

На холстах картин, непобедимый,
Или здесь, в гробнице, побежден?

И полнее всякого ответа
Молчаливо блещет с высоты
Живопись далекого рассвета —
Рубенса цветущие холсты.

Разве зря

На них веками длится
Трепет остановленных минут?!
Чем пытливей смотришь в эти лица,
Тем они бесспорнее живут.
Тем пышней от них бессмертьем пышет.
И сейчас, под сводами, в тиши,
Я не только вижу: я их слышу
Высшим слухом мысли и души.
Слышу, будто оклики и споры,

Ухом уловимые едва
Ветром налетающие хоры,
Ключья слов
И целые слова,

Теплый смех, живые уверенья,
Что кончины не было и нет...
И все громче радостное пенье,
Все смелее, выше...

Наконец

Затряслись решетки и затворы,
Как под ветром тонкая листва.
И поплыли стены у собора,
Закружилась башня — голова.
А закат багряного накала

Натекает в каждое окно,
Словно в колоссальные бокалы
Старое фламандское вино.
И смывает всякие границы
Меж владений смерти и мечты.
Здравствуй, Рубенс!

Больше нет гробницы.
Только есть бессмертие и ты.
Подымайся ж к сводам полутемным,
Вечных красок вдохновенный хор,
Чтобы стал и выше и огромней
Древнего Антверпена собор.
Ведь тому уже не страшно тленье,
Кто оставить что-то в жизни мог,
Кто к садам духовного цветенья
Мог прибавить хоть один цветок.
И теплом немеркнувшего лета
Дышат исполинские цветы,
Живопись веселого рассвета —
Рубенса бессмертные холсты.

ПАМЯТИ ПРИШВИНА

Растает ли снег?

Развернется ль подснежник весною?
О чем соловьи запоют на заре без него?
Ходил он один, а умел рассыпаться

толпою:

На все наши дебри хватало его одного.

Любил он природу: сносил ее козни,

насмешки,

Трясину месил и укусы прощал комарам.

Пил чай с муравьями

и с острым дождем вперемешку,

Дивился туманам

и кланялся мокрому грибам.

По-прежнему ветер пройдет по дорогам

весною

И в глину проталин тревожно

Посыплются иглы сосны.

Но больше не выйдет он с книжкой своей

записною —

Разносчик мечты

и седой проповедник весны.

НАТЮРМОРТ

Отстала ягода от кисти винограда;
Висит на кончике —
 Всех меньше и темней.
Но здесь ее выбрасывать не надо:
Наоборот,
 Цена картины — в ней.

МУЗЫКА

Вы объяснили музыку словами.
Но, видно, ей ненадобны слова —
Не то она, соперничая с вами,
Словами изъяснялась бы сама.
И, никогда (для точности в науке)
Не заводя пустых обвиняков,
Не тратила бы времени на звуки,
А сразу начинала бы со слов.

ЛЕДЯНЫЕ ЦВЕТЫ

Едва лишь солнышко прервало
Свои заботы о тепле,
Зима весну нарисовала
Стеклянным пальцем
на стекле.

Едва цветы остекленели —
Сейчас же стекла расцвели.
Но бледен оттиск повителя,
И хвощ оторван
от земли.

И призрак-мох подсинен небом,
И лотос холоден, как нож,
От орхидеи веет снегом.
От вида пальмы — в сердце
дрожь.

Точь-в-точь — поэзия иная.
Где блеск мороза, звон
стекла,

Где все — и больше...
Не считая
Обыкновенного тепла.

ПЕСНЯ

— Как сложилась песня у меня? — вы
спросили.
Что же вам сказать?
Я сама стараюсь
У огня
По частям снежинку разобрать.

ВЫСЕЛЕНИЕ ИЗ ВСЕЛЕННОЙ

(Поэма)

До сих пор горланят водопады,
Сотрясаясь от избытка сил,
В той стране, где правнук Гайаваты
Свой очаг навеки погасил.

Не синеют в сумерках вигвамы,
Старики не курят возле них;
Не скользят пироги под ветвями
Средь осок и лилий водяных.

Смолк навеки скорбный ваванэйса,
В чаще леса — кладбище листвы;
Облетели у вождя-индейца
Радужные перья с головы.

Сохнувшие шкуры у порога
В солнечном ветру не шелестят;
Навсегда отчалила пирога
К берегам Понима, на закат.

Навсегда колчаны опустели,
Навсегда лесные короли
Боевые луки опустили,
В гордое преданье отошли.
Сквозь века,
Сквозь пламя поздней дружбы
Я назад их горестно зову:
— Почему вы бросили оружие?
Где вы скрылись, грозные?
А-у!..

* * *

О, какой же силы дуновенье
И какой же тяжести волна
Как пушинку сдуло поселенья,
Как соринку смыла племена?

Нет, не голод, не землетрясенье,
Не чума коснулась этих мест;
Здесь прошло Христа благословенье,
Проповедь смирения и крест.

Не сюда ли дети кроткой веры
Принесли спасителя завет?
Не сюда ль пришли миссионеры —
Потушить прекрасный Новый
Свет?

Не сюда ль небритый образ бога
Принесли они издалека?
Видно, ждали, знали, что дорога
Без молитвы будет нелегка.

И молитва вправду помогала:
Перед хилым шепотом ее,
Словно перед ревом урагана,
Пятился народ в небытие.

* * *

Путь молитвы был путем проклятий,
Ночь тащилась по следам зари.
И от растопыренных распятий
Улетали прочь нетопыри.

В смутных чашах реяла Мария,
Как бутылки призрачная тень;
Смачно сквернословили святые,
Сдвинув ореолы набекрень.

Перед ними —
Тающая тайна,
Томный запад дикого «тогда»,
Радость,

Проливное щебетанье,
Водопадов дальняя пальба,

Холод сладкий,
Трепет вдохновенный

Чащ, ослепших в собственной тени...
А за ними,
Плача горькой пеной,
Точно дети, всхлипывали пни.

* * *

Что же это, право, за молитва,
Коль сумела раз и навсегда
Срезать, как чудовищная бритва,
Целые народы без следа?!

Это кто же ореол святого
На рога нечистому надел?
Почему, о боже, божье слово
Есть основа сатанинских дел?!

Отчего не спятило распятие,
Не пошло на «подвиг» прямиком?
Для чего его игрушки-братья
Шли за ним томительным
гуськом?

Шли игрушки, судьбами играя,
С целых стран сдирая жизни
скаल्प;

Шли, ползли, в засадах замирая, —
Крест и виски, бусинка и залп.

Бусинка — с веселым упованьем
Повстречать в пути больших детей;
Порох — с полновесным основаньем
Отыскать себе живую цель.

Низкий виски — чтобы взять без боя
Там, где боя не боится враг,
И распятые — дабы дело злое
Освятить, как высшее из благ.

И вождей, что в куклы не играли
И не пили дьявольский настой, —
Замертво — их выстрелами брали,
Заживо — молитвою святой.

* * *

Раса незаслуженного цвета —
Раса белых! Честь невелика!
Ведь твоя «великая» победа
Пораженьем вписана в века.

Дорог счет за выветренный череп,
Сохнувший на солнце меж травы,
За корону из орлиных перьев,
Сорванную с гордой головы,
За печаль,
Догадку,
Сновиденье,

Где могло быть яви торжество,
Где лишь тот спасен от
вырожденья,
Кто не знал рожденья самого.
Дорог счет...

Не все ль он в старой силе?
Кто и с кем расплатится по нем?
Что же делать, если годы смыли
Кредитора вместе с должником?

И тихонько отвечает ветер,
Пролетая в струйках снеговых:
— Кредитора, верно, нет на свете,
Но заимодавец-то в живых.

Не на книжных сумеречных полках,
В полных чар Эмаровых томах,
Он живет в сомнительных потомках,
В ясных виллах, в пасмурных
домах...

И ему ночами сладко спится,
Словно он ни в чем не виноват;
И ему не чудится, не снится
Страшный путь с востока на закат.

От огней великого похода
У него лишь пломбы уголек

И от славы — мумия полета —
Эспаньолки мертвый мотылек.

...Пулями исклеванные «фрукты».
Терпкие пропойцы, игроки,
У которых бороды, как муфты,
Бакенбарды, как воротники.

Где они? От волчьего наследства
Только шерсть отбросив навсегда,
Он давно оставил пору детства,
Ту, когда в почете борода.

Носит он тончайшие манишки,
Бреется едва не до кости,
Занимает все мирские вышки,
Ходит в церковь (господи,
прости!).

Там, в лучах лампы негасимой,
Он застыл в поклоне у колонн:
Не отцов ли грех непоправимый
В этот миг замаливает он?

Где уж там!
Одно он помнит крепко.
И одна молитва у него:
«Дай мне, бог, во зле, достойном
предка,

Переплюнуть предка моего,
Намалюй свое благословенье
На горбах моих броневиков,
И свершу я за одно мгновенье
Преступленье нескольких веков».

О, не поздно ль?!
Страны прозревают.
Поздно!
Человечество следит.

Сам себя никто не прозекает,
Взлом земли земля предупредит.
Но при этом
Ищет новый разум,
Ищет в прошлом твой досадный след;

И восходит перед новым глазом
В новом свете тот же Новый Свет.
И, дивясь на старое злодейство,
Фермер останавливает плуг
Перед бурым черепом индейца,
Перед черным делом белых рук...

...Пусть ушли,
Растаяли во мраке
Грозные лесные короли...
С их надгробий стершиеся знаки
Мы в сердца свои перенесли.

ОБ АВТОРЕ

У Новеллы Николаевны Матвеевой жизнь сложилась так, что в детстве она долго и тяжело болела. Поэтому жизненными наблюдениями она не богата. Но зато она много и жадно читала, много раздумывала над тем, что узнала из книг, из газет. И все то немногое, что привелось ей увидеть, что почувствовала она, размышляя наедине, удивительно ярко отразилось в первой книге ее стихов, которую мы предлагаем читателю.

Н. Матвеева родилась в городе Пушкине Ленинградской области в 1934 году. Отец ее — партийный работник, мать — литератор. Семья переезжала с места на место. Учиться Новелла начала в Подмосковье. Но окончить школу помешала болезнь. Недостаток знаний восполняла самообразованием. Когда немного поправилась, пошла работать в детский дом разнорабочей.

Стихи начала писать с детства. Но впервые напечатала их в 1958 году в газетах Дальнего Востока. В 1959 году стихи Н. Матвеевой появились на страницах «Комсомольской правды» и привлекли к себе внимание многих читателей.

Сейчас „молодая“ поэтесса работает над поэмой о первой подмосковной комсомольской организации.

СОДЕРЖАНИЕ

Наш герб	3
Ночь на 14 сентября 1959 года	4
Пальцы	5
Статуя Свободы	6
Гимн перцу	8
Солдат	11
Призыв	13
Сорокалетие	15
Сумерки богов	19
Весна	21
Алоэ	22
«Гордой крышею в парке осеннем...»	23
Мера за меру	24
Камчатский вид	28
Архивариус	29
Дым	31
Снежинка	32
Деревья	33
«Паук на теплый ветер...»	34
День в конце августа	35
Старые листья	36
Мумия	37
Сонеты	39
Глубина	41
Звук	42

Рембрандт	43
Рубенс	46
Памяти Пришвина	49
Натюрморт	50
Музыка	51
Ледяные цветы	52
Песня	53
Выселение из вселенной (<i>поэма</i>)	54
Об авторе	62

Матвеева Новелла Николаевна

ЛИРИКА

Редактор *Д. Ковалев*
Художник *Г. Дмитриев*
Худож. ред. *Н. Печникова*
Техн. ред. *Л. Кириллина*

A08021 Подп. к печ. 29/VII 1960 г. Бум. 60×92¹/₃₂.
Печ. л. 2(2). Уч.-изд. л. 1,7. Тираж 5 000 экз. Заказ 1144.
С 1/1 1961 г. цена 24 коп.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-55, Сущевская, 21.

